

Виорэль Ломов

Приключения Юстаса и его друзей

Сказочная повесть

12+

Виорэль Ломов

Приключения Юстаса и его друзей

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Ломов В. М.

Приключения Юстаса и его друзей / В. М. Ломов — «ЛитРес: Самиздат», 2017

События происходят на юге Финляндии — в «Добром крае», в Лапландии, Санкт-Петербурге и Антарктиде. Злой волшебнице Кольгриме и ее помощникам, программистам Стиксу и Ахеронту, противостоят добрая волшебница Лоухи (сестра Кольгримы), муми-троль Так-так, отчаянный петух Юстас, «продвинутый» кот Григорий, шотландский сеттер Маклеод, ворона Чернавка. В события втянуты местные жители, гости из Санкт-Петербурга, верховный шаман Лапландии и другие персонажи.

© Ломов В. М., 2017

© ЛитРес: Самиздат, 2017

Содержание

Первая повесть	5
Глава 1. Жареный петух	5
Глава 2. Дарий-Григорий Второй	8
Глава 3. Гормоны счастья	12
Глава 4. Посланница богов	15
Глава 5. Оковы сняты!	18
Глава 6. Добрый край	22
Глава 7. Ночная беседа	25
Глава 8. Происшествие	28
Глава 9. Страшно даже здесь	31
Глава 10. И было утро, и был вечер	33
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Виорэль Ломов

Приключения Юстаса и его друзей

Приключения – это не увеселительная прогулка в сияющий майский день.

Джон Рональд Руэл Толкин, английский писатель, XX в.

Первая повесть

Добрый край

Невидимое зло всего тревожнее.

Публий Сир, римский поэт, I век до н. э.

Глава 1. Жареный петух

Петуха Юстаса раньше звали не Юстасом. Как его звали, никто не знал, и сам он об этом молчал. Но как-то должны были называть, поскольку у героев есть имена. Тем более у таких отчаянных.

Перед домом Сомовых Юстас появился ранним июньским утром и тут же троекратным оглушительным криком сообщил о своем приходе. Явился он не один, а с двумя курицами и цыплятами.

Разбуженный петушиным криком из дома вышел Петр. Увидев кур, он подошел к ним, чтобы узнать, кто такие, откуда и что им надо на его дворе. Но не успел хозяин задать вопроса, как петух коршуном бросился на него. Петр успел увернуться от шпор и клюва вояки и на всякий случай отошел подальше от драчуна. Тот, играя перьями хвоста, грозно смотрел на хозяина двора. Красные глаза и налитый кровью гребень не предвещали ничего доброго.

– Тю на тебя! – воскликнул Петр. – Сдурел?

– Не смей приближаться к моей семье! – проорал петух. – Накажу!

Петр почесал затылок:

– Серьезная птица. Не иначе из отряда соколиных. Оставайся, раз пришел.

Он открыл сарай и широким жестом пригласил кур в их новый дом. Там Петр выделил пришельцам половину помещения, соорудил загородку, прибил жердочку, чтобы у птиц был насест, бросил охапку сена, поставил кормушку, поилку, насыпал туда пшена и риса, налил воды, и, достав из холодильника пару бутылок пива, пошел к соседу, эстонцу Калле, сообщить об утреннем происшествии. Петух тут же подошел к кормушке и подал сигнал семейству приступить к трапезе.

Дом Сомовых находился в небольшом финском поселке рядом с городком Сюсьмя на озерном острове, связанном с берегом насыпной дамбой. В поселке жили финны, шведы, немцы, эстонцы и несколько семей из России. Общались жители друг с другом каждый на своем языке, но вроде как понимали друг друга.

Поскольку хозяйки не было, соседи уютно расположились на террасе дома. Хозяин угостил гостя скворчащей яичницей, и Петр рассказал ему об утреннем нашествии пернатых. Калле, задумчиво глядя на озеро, предположил, уж не тот ли это петух, который на днях убежал вместе со всеми курами из соседнего поселка от финна Инту Мартонена. Говорят, об этом сообщили даже в телевизионных новостях.

– Наверняка он, – сказал Калле. – Это петух не обычный...

– Да ты же не видел его, – возразил Петр.

– Ну и что? Увижу еще. Этот петух был сущий цепной пес. Инту Мартонен и держал его за такового, даже дрессировал его, как боевого петуха, пока тот совсем не отбил от рук. Налетал на всех, кто заходил во двор, а за детьми гонялся по всему поселку. Как-то к Мартонену пришли сватать его дочь Миию. Раньше целый обряд был. Сватать приезжали по-темному, чтобы кто не прознал да не сглазил. Заходили в дом, присаживались с краешка, мыли косточки знакомым, а сами – и сваты и родители – ждали, когда к ним выйдет невеста. Выйдет, и сваты дарят ей колечко с подарками. Как только она возьмет их, тут же накрывают стол, и начинается сватовство. А не выйдет, знать, от ворот поворот, и гости едут домой искать другую невесту. Но Мартонен современный человек, к тому же его родственник – член парламента Эдускунта, далек от этих традиций. Да и сваты, похоже, тоже. Приехали днем. Мартонен приготовил шашлык, шампанское. Но только гости зашли во двор, петух налетел на них и разодрал будущему свату рубашку, а сваху напугал до полусмерти. Инту Мартонен рассвирепел, схватил петуха и бросил его на мангал. Мангал у него был жестяной, тут же рассыпался, а петух с горящими перьями стал кидаться на всех. Гости убежали, сватовство сорвалось...

– А дальше-то что?

– А дальше вот что произошло. Так по телеку сказали. На другой день Инту Мартонен помирился с будущими родственниками и пригласил их к себе еще раз. Те пришли, на этот раз ближе к вечеру. Вечер выдался теплый, хозяин поставил стол и скамьи на свежем воздухе. Посреди стола на блюде лежал зажаренный петух. Все посмеялись, вспомнив вчерашнее приключение, разлили шампанское и собирались уже приняться за еду, как из курятника вдруг вышли две курицы с цыплятами и напрямик направились к столу. Инту Мартонен как раз угостил всех перед шашлычком горячим кофе, с прибауткой: «Девушка хороша юная, а кофе горячий» и схватил было ветку, чтобы прогнать их, и тут петух подскочил с блюда, полетел к Мартонену и вцепился ему прямо в зад!

– Брось! – воскликнул Петр. – А что потом?

– Что было потом, история умалчивает... Потом он к тебе пришел!

– Жареный?

– А какой же еще? Теперь давай выпьем за петуха.

Выпив за жареного петуха, Петр вернулся домой.

– Как вас теперь называть? – обратился он к петуху.

Тот молчал.

– Молчишь, Штирлиц?!

Петр лег подремать, но тут позвонила жена Ирина и сообщила, что приедет завтра с Машей и Дашей на поезде «Аллегро». Петр не стал говорить ей о прибавлении в доме и на ночь не стал закрывать сарай – вдруг куры захотят вернуться к прежним хозяевам. Еще неизвестно, как отнесутся в поселке к присвоению чужой птицы? Тут воров не жалуют...

Утром Петр поехал встречать семью в Лахти. В машине он рассказал о нашествии петушиного семейства. Девочки стали возбужденно обсуждать предстоящую встречу, а Ирину не оставляла мысль, как бы чего не вышло из этого дурного.

– Вы только близко не подходите к сараю. Пусть привыкнут, а то напугаются.

Петух тут же опроверг слова нового хозяина и, выскочив из сарая, помчался на приезжих. Те едва успели спрятаться в доме.

– Ну, орел! – перевела дух Ирина. – Мужественный паренек. Надо ему имя подобрать.

– Имя! Имя! – запрыгали девочки. – Надо дать ему имя! Петухан Куриханых!

– Это слишком просто, – сказала мама. – Я что-то такое уже слышала.

– Он вчера откликнулся на имя Штирлиц, – сказал отец.

– Штирлиц! Что ты! Профанация имени народного героя! И не финское имя!

– Тогда Юстас, это позывной у Штирлица.

Тут зашел Калле. Узнав, что подбирают петуху имя, тоже принял участие.

– Юстас – неплохое имя, но... архаичное. И не финское. Тут же нет Юстасов? – обратилась мама к Калле.

– Почему? Есть. У меня сосед справа Юстус. Юстус Виртанен.

– Всё равно. Фамилия финская, хоккеист, кажется, такой, а вот имечко прибалтийское, надо финское подыскать.

– Не прибалтийское, – поправил Калле. – Стран Балтии.

Мама открыла планшет и стала искать подходящее имя для петуха.

– Нашла. Вот: Анри.

– Какое же это финское! – засмеялся папа, – Чисто французское. «Жил был Анри Четвертый, хороший был король...» – запел он.

– Анри – финское, – сказал Калле. – Все богатые с этим именем живут.

– Вот! – ткнула мама пальцем в планшет. – Что я говорила! «Имя Анри означает потребность доминировать. Всегда и везде». Вот! Замечательное имя. Нам петух с таким именем и нужен.

– Это не петух, это же цепной пес.

– И отлично! – поставила точку мама. – Охранять участок кому-то надо!

– У Чехова рассказ есть, «Лошадиная фамилия», – съязвил папа, но мама отрезала: – Оставь Чехова в покое! Займись полкой в кладовке!

Тут (и тому масса свидетелей: вся семья Сомовых и эстонец Калле) на веранду взошел петух и заявил, что отныне он будет называться никаким Анри, а Юстасом. И никем больше! Петух вскочил на бруствер и во все горло проорал:

– Юстас! Юстас! Юстас!

Так за ним и закрепилось это имя. Кур называли Пеструхой и Дурой, а цыплят решили пока никак не называть. «Надо дожидаться осени, тогда и посчитаем их, и заодно имена дадим», – решили родители.

Пеструхой курицу называли за пестрый наряд, а Дурой – другую курицу, приземистую и бестолковую. Судя по повадкам, именно Дура вывела цыплят, но совсем не занималась их воспитанием, а стала днями напролет высидывать яйца, которые несла Пеструха. Юстас пробовал урезонить ленивицу и трепал ей загривок, но та упорно возвращалась к насиженному месту. Потом Ирина в воспитательных целях переименовала курицу в Жанну, хотя непонятно за что – Дура ей было больше к лицу.

Глава 2. Дарий-Григорий Второй

– А про Гришу-то забыли! – воскликнула мама. – Водички дай ему.

Петр достал из багажника клетку, выпустил кота.

– Прости, Григорий, отвлеклись на петуха.

– Какого петуха? – Кот потянулся и чихнул. – Свежо тут у вас!

– Да прибился, понимаешь, петух, кров искал. Не мог отказать бедняге.

– Больной?

– Не совсем. Пошли, твое место покажу.

Григорий, распушив хвост, прошествовал во двор.

По происхождению кот был персидской породы – иначе говоря, перс, чем сильно гордился, а по паспорту – Гриша, что его сильно раздражало.

– Какой я Гриша? Разве похож я на Гришу? Я Дарий!

Гриша любил смотреть телевизор, но только не новостные и развлекательные каналы, на которых показывают всякую чепуху, а исторические передачи и фильмы ВВС о животных. Одно время он смотрел передачи про еду, но после того, как увидел экспертов-диетологов кошачьей еды, утверждавших, что в сухих кормах одних марок мяса больше, чем в других, понял, что все они вруны, так как мяса не было ни в каких кормах. Из телевизора кот узнал, что в Древней Персии некогда жил царь Дарий Первый, мудрый правитель, покоривший многие народы. Поскольку Гриша считал себя мудрым и особой царских кровей, то пожелал называться Дарием, пусть даже Вторым. Он не раз пенял Петру за то, что тот записал его Гришей. Петр тщетно пытался разубедить кота, раскрывал его паспорт:

– Гриша, ну что ты вредничаешь?! Что написал, то написал. Откуда я знал тогда, что ты Дарий? Вот, смотри. Это сведения обо мне. А вот о тебе. Фото – узнаешь себя? Дальше. Имя: Гриша. Пол: Кот. Даже шифр: Один ноль – как в футболе, в твою пользу, значит.

– Это я знаю, – говорил Гриша. – У кошек ноль один, потому что они всегда в проигрыше.

– Порода: персидская. И так далее. Что тебе надо еще?

– Ошибочка. Тут ошибка, в графе «Имя», – возражал кот. – Ты же отлично знаешь, что я Дарий. Второй. Ладно, Григорий. Был такой римский папа.

– Послушай, Григорий. Зачем тебе древнее имя? Дарий какой-то! Давай окончательно остановимся на Григории. Современно.

– Что значит, «какой-то»? Дарий по-персидски – «добронравный». Я самый добронравный кот на свете!

– Ну, не знаю. Котов называют не по паспорту, а по, пардон, морде. Вот я на тебя тогдашнего поглядел – Гриша, сейчас гляжу – конечно, Григорий! Настоящий Григорий Котовский! Только не лысый.

– Всё еще впереди, – зевнул кот.

Как бы там ни было, Ирина и дети, ничего не знаящие об этих прениях, продолжали называть кота Гришей, а Петр, дабышний раз не обижать воспитанника – Григорием. Сам себя Гриша с годами всё больше позиционировал с Дарием и редко снисходительно соглашался на Григория.

Такое плотное общение с Гришей нужно, конечно, поставить в заслугу Петру. Известно ведь, что коты с людьми разговаривают лишь тогда, когда те разговаривают с ними. Когда Петр взял котенка, он еще жил один, без семьи, и часто вел с котиком долгие беседы, объясняя ему, как надо есть, пить, писать и какать (Петр любил показывать всем, какой у него кот умница – ходит на унитаз!), и истолковывая исторические события и особенности поведения животных из телевизора. Гриша поначалу лишь мявкал в ответ да мурлыкал, но со временем перешел на

членораздельную речь, и у них все годы шел нескончаемый диалог, который, правда, понимали только они одни.

Как-то Петр спросил Григория:

– А как ты общаешься с другими животными – с собаками, воронами?

– На кошачьем.

– Как, на кошачьем?

– Да так. У животных один язык, который Адам дал, до того, как женился. Знаешь Адама?

– Поэта Мицкевича? – почесал затылок Петр (он никак не предполагал вести с котом богословские беседы). – Или экономиста Смита?

– Да нет, просто Адама, кого бог из дома прогнал.

– Хочешь сказать, что у Адама был кошачий язык?

– Тебя это коробит?

– Да нет, но всё же...

– У всех зверей и птиц остался тот язык. Мы ведь не строили Вавилонскую башню!

– Всё равно не понимаю, – не сдавался Петр. – Как вы понимаете друг друга, если у вас всех разный язык?

– А как в оркестре – у каждого инструмента свой язык, а говорят все на общем, чтобы их человек понимал!

Справедливости ради, надо заметить, что к этой теме они больше не возвращались, конечно, скорее всего, из опаски Петра потерпеть в диалоге с котом фиаско.

Жили они дружно и сильно привязались друг к другу. Перс всегда поджидал Петра в прихожей на консоли. Однажды Гриша сильно заболел, не мог от бессилия вспрыгнуть на консоль и поджидал хозяина на половичке. Когда Петр увидел его, у него сжалось сердце от жалости. Он тут же отнес кота в ветеринарный участок, располагавшийся в доме напротив. Ветеринар радостно сообщил, что у пациента приступ мочекаменной болезни. Если бы промедлили еще пару часов, коту был бы конец. Эскулап тут же занялся Гришей, ни на минуту не прерывая своих баек.

– В воскресенье лег пораньше, думал, выплусь. В первом часу ночи звонит женщина, рыдает – ее собаку в брюхо укусил клещ, бедняга вот-вот лапы склеит. Капни, говорю ей, маслом на клеща и выкрути его против часовой стрелки. Только задремал, снова звонит! Не выкручивается. Вези ко мне, говорю, но за беспокойство плата двойная. Привозит. Гляжу. Клеща не вижу. Где клещ, спрашиваю. Вот он, на брюхе. Ой, тут еще один. Где? Да вот! Это, милочка, не клещ. И это не клещ. Это титечки. Обрадовалась, заплатила и уехала на такси. Люди совсем с ума сошли со своими котами и псами, и я скоро сойду с ними.

– А что ж вы работаете ветеринаром?

– Кушать иногда хочется.

Идиллию нарушила женитьба Петра на Ирине, невольно отдалившая кота и хозяина друг от друга. Когда родились Маша, а потом Даша, от малюток кот претерпел много неприятностей, начиная с их пронзительного визга и кончая постоянным тисканьем и укутыванием во всякие тряпки. Но он ни разу не поцарапал девочек, хотя иногда с возмущением шипел на них. С той поры Гриша стал мелко пакостить, особенно когда семья садилась за стол или отходила ко сну. Он отправлял свои естественные потребности, сопровождая их окончание радостным воем, яростно драл обои и мебель, открывал закрытые двери, гонял по полу мелкие предметы, а то просто орал, особенно весной. Неудобным же гостям он даже гадил в обувь. Его ругали, закрывали в ванную, пару раз посадили на ремешок, но он устраивал такой тарарам, что его тут же с извинениями выпускали на свободу.

Как-то Ирине попала статья о персидских кошках.

– Что пишут! – Ирина с возмущением посмотрела на Петра. – Нет, ты послушай, что пишут котоводы! «Персидская кошка наделена мягким и приятным голосом, но его использует не часто». Всё наоборот! Твой кот, похоже, не читал эту статью!

– Обучи! – парировал Петр.

Впрочем, Ирина срывалась редко, и особых взаимных обид ни у кого не было.

Но вот когда летом выезжали на дачу, благонаправный Григорий пускался во все тяжкие. Он устанавливал «мудрое и справедливое правление» не только на своем участке, но и на всех примыкающих. Даже собаки вынуждены были считаться с его царскими амбициями. Особенно, когда на нем шерсть вставала дыбом, горели глаза и усы топорщились так, что ими можно было пробить доску в заборе. Связываться с «этим тигром» никто не хотел, а Григорию достаточно было факта признания его авторитета. Поэтому разгневанным его практически никто и не видел. Раз только, когда Трифон, кот с дальнего участка, пришел к Гришиной зазнобе, соседке Мурке, Григорий явил себя во всей своей красе и гнал селадона далеко за территорию общества. Возвращаясь мимо участка зазнобы, он исполнил песнь торжествующей любви «Мурка, ты мой Мурёночек», дома с аппетитом уплел миску жаркого, после чего сморился в кресле полуденным сном.

Много неудобств Гриша испытал при переезде семьи в Петербург. Кота не разрешили взять в салон самолета, и пришлось сдать его в багаж. Когда прилетели, клетки на транспортере не оказалось. Григория принесли перенервничавшим хозяевам через двадцать минут. Оказывается, от шума двигателей и холода бедняга чуть не сошел с ума, выбил дверцу клетки, и грузчики никак не могли поймать его в грузовом отсеке.

Однако, пора вернуться в Сюсьмя.

Отобедав, Гриша решил пройтись по участку, осмотреться, пометить, где надо, границы участка, а заодно разобраться с петухом, обретшим кров у хозяина. Услышав шевеление в сарае, кот не стал заходить туда, решив не беспокоить больную птицу во время сиесты. «Пусть наберется сил», – рассудил он.

Побродив по участку и обнюхав все цветы и кусты крыжовника и смородины, уловил запах мышей, зайца и ежа. Затем кот пошел к озеру, раскинувшемуся перед глазами во всю ширь горизонта. На берегу он заметил недогрызенный мосол, видимо, оставленный каким-нибудь псом, и улегся рядом с ним на мягкую траву. Озеро горело золотыми и серебряными огнями, было тепло. Гриша задремал.

Разбудила кота ворона. Она подковыляла к мослу и стала долбить его. От неожиданности Гриша подскочил, распушил хвост и усы и зашипел. Но ворона ничуть не испугалась его:

– Чего жадничаешь, кот?

– Ты кто такая?

– Ворона.

– Звать как?

– Ворона и звать.

– Будешь Чернавкой.

– Это кем же?

– Да царицей, вот кем.

– Царицей – ладно, а то меня твой хозяин воровкой обозвал.

– У меня нет хозяина, – буркнул кот. – Я сам по себе.

– Рассказывай! Небось хозяин кормит?

– Небось... Вульгарная ты птица, ворона, вот что я тебе скажу! Хоть и царских кровей, хм, хм...

– Да уж какая есть!

Тут раздалось рычание, и на ворону из кустов бросился пес. Гриша взлетел вверх и с шипением упал на спину собаки. Старый пес от испуга присел и замотал головой. Перед ним

в боевой стойке, изогнув спину и задрав трубой хвост, стоял крупный рыжий кот, который не думал ретироваться. Связываться с таким было не резон, но и сдаваться тоже как-то обидно. Спасла положение ворона.

– Так это ты, Маклеод! – воскликнула она. – Чего бросаешься на старых друзей? Забыл, как я тебе на той неделе кость дала?

– Извини, обознался. Я думал, это ворона со двора Аарна Какконена.

– Ну что ты! Разве я похожа на побирushку? Кстати, меня с сегодняшнего дня звать Чернавка. Царица, то есть.

Тут послышалось:

– Григорий! Ты где? Кис-кис-кис!

– Тебя зовут, Григорий! – каркнула Чернавка. – Хозяин.

– Ага, небось. – И кот не спеша с царским достоинством пошел по тропинке на голос Петра.

Глава 3. Гормоны счастья

- Где пропадаешь? Зову, не откликаешься, – спросил Петр.
- С песиком подружился. Верная псина.
- На службу хочешь призвать? – насмешливо спросил хозяин.
- Староват. Пусть в приятелях походит, а там посмотрим. На службу я Чернавку нанял.
- Это еще кто?
- Ты знаешь ее. Ворона. Ты ее воровкой обозвал.
- А-а, достойная компания. Чем промышлять думаете? Смотри, тут воришек не любят.
- Ты выпил? – ушел кот от темы.
- С чего ты взял?
- Учужал. Ты ж знаешь, я эксперт.

Когда подошли к домику, эксперт учужал еще одного выпившего – Калле. Эстонец откинулся в кресле и блаженно улыбался.

- Твой друг? – спросил кот.
- Сосед. А там посмотрим. Иди, поспи, а мы посидим, пока наши не вернулись.

Когда Ирина уехала в магазин, Петр хотел заняться полкой в кладовке, но пришел Калле, под градусом. По словам эстонца, на высоких широтах жизнь может идти достойно только под высоким градусом.

– Петр! Тебя ждут крупные неприятности! – Калле уселся в кресло и, похоже, надолго. – Кур чужих присвоил? Ja, да, присвоил. О намерении содержать кур в городском доме в коммуноу сообщил? Ei, нет, не сообщил. Курятник как надо оборудовал? Ei, нет, не оборудовал.

– Не части! – Петр достал из холодильника пиво. – Кур я не присваивал, сами пришли. И я их не содержу, разок крупы насыпал. А как оборудовать мой сарай, извини, я разберусь без финского государства!

– Ошибаешься! Не разберешься! Тебе советчик нужен, а лучший советчик – это я. Слушай. То, что куры финна Инту Мартонена сбежали к русскому, уже в Лапландии знают, это далеко на север. Так что скоро этот Мартонен явится за ними, придется отдать, да еще с вознаграждением, если не хочешь с полицией разбираться. Куры у тебя, значит, ты их и содержишь, а о своем намерении содержать кур ты коммуне (конкретно Аарно Какконену) не сообщил.

– Какое намерение, куры пришли, я их и приютил. И тут не город!

– По российским меркам не город, а по финским город! Средневековая церковь, два театра, дом молодежного творчества, два музея, библиотека, два фестиваля, десять вилл – что там еще? Заповедник, дендрарий, крупный балансирующий камень Сюсьма на вершине плоской скалы Хейнола. Три шикарных магазина, рынок, ярмарка, асфальт, коттеджи. И всё это на четыре тысячи горожан! «Не город» – именно город! А вот сколько квадратных метров ты выделил курам? Пол сарая? Пять метров. Петух, две курицы, пять цыплят – восемь. А на каждую птицу положен один квадратный метр!

– Пять цыплят, это ж не куры! И вообще курица не птица...

– Шути-шути, я тебе серьезно говорю. Подлей-ка. Это еще не всё. На петуха нужно особое разрешение. А чем кормишь их?

– Что было, тем и покормил, рисом, пшеном.

– Ну вот! Защитники прав животных придерутся, не отборным зерном кормишь, моришь птицу!

– Да я же морю ее тем, чем и себя морю!

– Не важно. У них написано, что кормить птицу надо отборным зерном!

– Слушай, Калле, поговорим о чем-нибудь другом. Свалились эти куры на мою голову!

Что-то Дениса Волочаева давно не видно. Зинку видел, а он где?

Волочаевы были тоже из Петербурга. Они жили напротив Сомовых, на взгорке. Маклеод был как раз их собакой.

– Ты не знаешь? А, вас же не было прошлой осенью. Да и зимой тоже. Денис с Зинаидой в конце сентября хорошо собрали белых грибов, продать – на машину хватит. Насушили, весь дом провоняли. Как-то Денис на рыбалку пошел. Вернулся за полночь. Замерз, как суслик, проголодался, выпил, закусил чипсами из пакета, стал наливать в ванну шампунь и уронил флакон. Взбил пену и целый час лежал в ней, как эта, ну которую ты поминать любишь...

– Афродита.

– Она. После ванны пошарил по кастрюлькам, еды никакой. Зинаида спала уже. С полки достал еще один пакет с чипсами. Утром его разбудили вопли жены. Та орала так, что разбудила пол посёлка. – Калле замолчал, сосредоточенно прожевывая колбасу и улыбаясь.

– Чего орала-то? – не выдержал Петр.

– Кто? А, орала, потому что Денис весь покрылся собачьей шерстью. Как Маклеод. С тех пор Зинка стала в молельный дом ходить.

– Почему он шерстью-то покрылся? Сглазили?

– Какое! Маклеод постарел, шерсть клочьями лезла. Вот Зинаида и купила два пакетика гормонов для роста шерсти. Там надо по чуть-чуть добавлять в еду. И шампунь – по чайной ложке для мытья шерсти. На псарню хватило бы, а Денис оприходовал всё за раз. Вот и оброс за ночь.

Петр с недоверием отнесся к этой истории, поскольку Калле и без градуса сочинял иногда такое, чего отродясь не было даже на экваторе. Ну да небольшая ложь лишь украшает беседу.

– И где он теперь, Денис?

– Тут несколько передач прошло. В Америке даже показывали. Денису оттуда письмо пришло, из собачьей клиники доктора Мопса, звали к себе, обещали вывести шерсть и вернуть человеческий облик. Оплатили всё – и проезд, и проживание, и лечение! Профессор Мопс снял фильм, книгу издал с фото Дениса до и после. Я видел. Классные фотки!

– И где сейчас Денис?

– У вас, в Железноводске. Лекарствами сбил себе кислотно-щелочной баланс, теперь восстанавливает.

– Надо Ирине рассказать. А вот и она!

К дому подкатила машина. Петр с девочками перетаскал пакеты, а Ирина прошлась по двору. Заметив уснувшего Калле, она позвала мужа:

– Петь, а чего это Калле спит?

– Спит, – подтвердил Петр. – Столько ужасов рассказал о проблемах, которые куры могут принести.

– Я вижу. Я хорошо вижу, как вы решали эти проблемы!

– Да ладно тебе! Я серьезно...

– Ну тебя! Какие проблемы от кур? – Она приблизилась к кусту, под которым копались куры. Петух на нее не отреагировал. Ирина подошла к нему и погладила по спине. Юстас дернулся, остро взглянул на новую хозяйку, но агрессии не проявил.

– Молодец, Цербер ты наш!

– В греческой мифологии Цербер – порождение Тифона и Ехидны, – уточнил Петр. – Он трёхголовый, как наш Змей Горыныч. Прежде чем в лапшу его класть, три башки надо срубить, но лапша всё равно отравленная будет, у него слюна ядовитая.

В детстве Петр запоем прочитал пятнадцать раз кряду «Мифы и легенды Древней Греции» Н. А. Куна и с тех пор по всякому поводу делал экскурсии в культуру Эллады, что не совсем нравилось Ирине.

– А то еще есть совсем жуткие создания – сторукие гекатонхейры...

– Фу! Гадость какая! Вечно ты со своими древними греками! Где они? Где ты их увидел? – Ирина широко повела перед собой рукой.

Греков и впрямь нигде не было. Зато с пригорка, с которого устремлялись высоко ввысь тонкие березы, спускалась Зина Волочаева. Зинаида была, конечно, не сторукой, но вполне гекатонхейрой, так как ей и двух рук хватало, чтобы присвоить что-нибудь чужое. (Она работала продавщицей в овощном отделе универсама). Точь-в-точь Чернавка, только в человеческом облики. В Финляндии Зине стоило огромных усилий держать себя в руках, чтобы не брать то, что плохо лежит. А тут всё плохо лежало. Лодки, велосипеды, двигатели, машины, дрели, садовый инвентарь, строительные материалы лежали и стояли там, где их оставили только что или год назад, без цепей и замков; дома, гаражи и сараи редко запирались на ключ, а если и запирались, то все в округе знали, где он лежит. Хотя, по мнению финнов тут плохо лежали лишь пустые банки из-под пива, обертки от мороженого и окурки, которые бросали под ноги новоселы из России.

– Маклеода не видели? – спросила Зинаида.

– Да вон он, на берегу, – указал Петр. – С нашим котом подружился.

– Круто! – сказала Зинаида. – Слышь, Петь, пивка нет? Что-то горло пересохло.

«Права финская поговорка: «Мужчина без жены – что сарай без крыши», – подумала Ирина. – А жена без мужа – что крыша над Парижем».

Глава 4. Посланница богов

С Юстасом Гриша познакомился уже вечером после глубокого спокойного сна. Потянувшись, он вышел на террасу и увидел под кустами смородины красного петуха с семейством. Кот еще разок потянулся, размял косточки и направился к курам. Петух грозно застыл на его пути. Но Григорий вовсе не думал ссориться с нездоровой птицей, хотя та на вид вовсе не была таковой. «С чего это Петр решил, что петух больной?» – подумал кот, упустив из виду, что так решил не хозяин, а он сам. Гриша, не приближаясь к главе куриного семейства, сел, миролюбиво умылся и мурлыкнул:

– Привет что ли!

– Привет! – отозвался петух. – Ты кто?

– Я перс, Дарий-Григорий Второй.

– А я Юстас. Единственный, – добавил петух.

– И я единственный. Просто из царей я второй. Говорят, ты болен?

– Что? – спросил петух. – Не понял.

– Раз не понял, значит, здоров. Дольше проживешь. Пошли на бережок, перетрем. А пернатых тут оставь. От них писк один.

Оставив Пеструху с цыплятами (Дура-Жанна сидела в сарае) во дворе, Григорий с Юстасом прошли к мосткам возле лодки Петра. Вскоре к ним присоединился и Маклеод, рыскавший по камышам в поисках уток и прочей водоплавающей птицы. К петуху он отнесся с подозрением, но без враждебности. Не успела тройка найти общий язык, как прилетела Чернавка. Она уселась на лодке и с интересом прислушивалась к беседе.

– Кто это? – спросил Юстас, скосив на ворону глаза.

– С вашего позволения Чернавка, царица! – опередив всех, представилась ворона. – По мнению вашего нового хозяина, воришка. Это у него ошибочное мнение, так как я не ворую, а лишь беру то, что лежит без призора. Это не воровство. Воровство, когда берешь то, что охраняется.

– Что-то мудрёно, – сказал Григорий, – И это уже грабеж.

Тут Григорий вспомнил, что сболтнул Петру о том, что нанял ворону.

– Я вот что подумал, Чернавка. Сослужи-ка ты нам службу. Решил я оказать тебе царскую милость и, поскольку ты сама царица, взять тебя на царскую службу.

– Какую? – с готовностью откликнулась ворона.

– Посланницей. Посланницей богов. А нас трое: я, Дарий-Григорий Второй, Юстас и Маклеод.

– А что посылать?

– Посылать не надо, Надо лететь туда, куда посылают.

– Это я и так делаю, без службы, в качестве хобби.

– За особые поручения будет особое, царское вознаграждение. Какую пищу предпочитаешь?

– Какую найду, ту и предпочитаю.

– Я имею в виду царскую.

– Зимой и хлебная корка – царская еда.

– Упрощаешь! Представь настоящий царский обед...

– Как у Аарно Какконена? Он иногда готовит шашлык, вот это по-царски, хотя около костей мясо вкуснее.

– Разбираешься, – хмыкнул Маклеод. – Шашлык-то удалось попробовать?

– Да! Сам всё съедает, даже жилы.

– Прекрасно! За службу будешь получать от Аарно Какконена шашлык! Обещаю, все трое приложим к этому лапу!

– Боюсь, я не приложу, – сказал петух. – Я частичный вегетарианец.

– Почему частичный?

– Червяков люблю.

– Ты, Юстас, отвлекать будешь Аарно, а я уж как-нибудь стяну пару кусков, – успокоил его кот.

– Вот мы и вместе! – резюмировал Григорий, на что ворона живо откликнулась:

– «Вот мы и вместе», – сказала бабка, как с волком в яме очутилась.

Маклеод, всё время молчавший, поднял нос, втянул воздух и подал голос:

– Какконен шашлычок готовит. Сыроват еще. Может, попробуем?

Направились к дому Какконена. Чем ближе подходили, тем больше нравственно страдал Маклеод от аромата изощренного блюда.

– Вы идите, я тут подожду, – не вытерпел он. – Для моей психики это слишком. Давненько не пробовал мяска. Зинаида перестала в магазин ездить, воздухом, что ли, питается.

Во дворе Аарно Какконен колдовал над мангалом. Он то и дело проворачивал над углями три шампура, поливая большие куски мяса маринадом.

– Это он напрасно делает, – заметил кот. – Вовсе не обязательно поливать. Вот что, Юстас. Лезь в кусты и хрипи оттуда погромче. Да сухими ветками потрещи. Только не кукарекай, догадается. Сможешь?

– Запросто!

Так и сделали. Юстас забрался в гущу и стал громко хрипеть и топтаться по сухим веткам. Какконен снял шампуры с огня, чтобы не пережглись, и подошел к кустам. Григорий в это время метнулся к мангалу и стянул один шампур.

– Получай, Чернавка, аванс! Учти, обжегся, пока тащил.

– Ребята, а мне кусочек можно? – уронил слюну Маклеод.

– Бери, друг! – сказала Чернавка. – Мне трех кусков хватит, пять ваши.

Григорий великодушно отказался от своей доли, и пес в мгновение ока проглотил пять кусков и уставился на ворону, рвущую крепким клювом ароматное мясо.

– Маклеод, не сглазь! – засмеялся кот.

– Ладно, бери еще один, – разрешила ворона. – Мне двух кусков хватит.

Каково же было удивление Аарно Какконена, когда он, вернувшись к мангалу, обнаружил пропажу одного шампура! Потрясенный бедняга обшарил весь двор и даже оглядел со всех сторон близстоящую сосну, точно шашлык мог сам вознестись на нее. В тот же день он рассказал об этом чуде всем знакомым. Вечером Калле, случайно встретив Петра возле помойки, поведал ему о том, что Аарно Какконен стал готовить шашлык (из петуха!), и тот, не успев дожариться, взвился с мангала прямо в небо!

После того, как Маклеод славно поужинал, он повел Григория к себе показать свой двор. На старости лет пес предпочитал спать в доме, в тепле, но Зинаида так громко храпела, что он долго не мог уснуть, а если и засыпал, то ему снились жуткие монстры, от которых он никак не мог убежать или спрятаться. В конце концов, пес нашел себе уголок на террасе под столом, притащил туда старую куртку Дениса и стал на ней спать.

Григорию понравилась лежанка приятеля.

– Не дурно! Не дурно! – похвалил он. – Свежий воздух, звезды! Романтика!

Тут он вспомнил, что вчера в телевизоре услышал свою песню «Мурка, ты мой Мурёночек»!

– Ты представляешь, – воскликнул кот, – поют «Мурка, ты мой Мурёночек», а автора слов и музыки не называют! Это же моя песня! Я ее посвятил одной из моих невест. Помню,

пел ей: «Мурка, ты мой Муреночек!», а она мне: «Гриша, ты мой котёночек!» Надо же, спели, а меня не назвали! Плагиат!

– Ты письмо напиши на ТВ, – посоветовал, зевнув, пес. – Пусть извинятся и сосисок пришлют, молочных.

– Пришлют они, ага! Сами слопают! Видел бы ты, сколько они в телеке еды готовят. Сготовят и тут же едят! С утра до вечера!

– Может, их на убой откармливают?

– Не думаю. Кто их есть станет?

Глава 5. Оковы сняты!

В шесть утра поселок еще спал. Рано встают лишь по нужде. Но Юстас уже бодрствовал и, стоя на садовой скамейке, каждые три минуты громко и протяжно возвещал миру о приходе нового дня. Красуясь и горлая на открытом месте, да еще при отсутствии людей, петух сильно рисковал, подзабыв о том, что самый ранний петух – первая добыча ястреба. Но на этот раз пронесло – ястреб кружил в небе вдали от поселка. Зато прилетела Чернавка. Каркнув, что у нее есть новость, ворона сорвалась, полетела к Маклеоду и оглоушила пса известием, что Инту Мартонен с дочкой только что выехал из дома и едет за Юстасом.

– Откуда знаешь? – откашлялся пес. – Постой, промочу горло.

– Знаю, – ответила ворона. – Не твое дело, откуда. Будешь знать – скоро состаришься.

– Да уж куда стариться, – буркнул Маклеод. – Мосол уже не могу разгрызть.

– Надо отвести тебя к родне. К Ворону. С ним я, правда, в контрах, но он омолаживает.

Особенно дур ворон!

– Омоложусь еще. Юстаса надо предупредить!

Петуха застали всё в той же позе и с той же песней.

– Юстас, хватит глотку драть! Хватай семью и тикай отсюда, Мартонен едет!

Потеряв от известия голос, петух с трудом выдавил из себя:

– Кто сказал?

– Я говорю! – Чернавка с возмущением посмотрела на тупицу. – Кто сказал?!

Юстас забежал в сарай. Послышались шум, кудахтанье, писк, из сарая выскочила Пест-руха, следом цыплята, последняя кубарем вылетела Дура-Жанна.

На террасу степенно вышел Григорий и, жмурясь от солнца, поинтересовался:

– Что за шум с утра?

– Мартонен едет! – каркнула ворона.

– И что? – невозмутимо сказал кот. – Мало ли тут их ездит Мартоненов! Тут все Марто-нены. Из-за каждого шуметь?

– Инту Мартонен едет забирать Юстаса! Да еще со своей дочкой Миией, та своего не упустит. Вся в мать и отца. Шишка недалеко от ели падает.

– Хватит болтать! Стать в строй! – скомандовал петух своим. Те стали ломаной линией перед папашей. Цыплята было запищали, но Дура-Жанна, впервые проявив материнскую заботу, стала клевать им загривки.

– Отставить! – приказал Юстас. – Сейчас выступаем! Идем вглубь острова!

– Я поведу вас! – воскликнула ворона. – Я знаю вышку, на ней укроюсь!

– Не суетись, Чернавка! – охладил кот вороний пыл. – Как они взберутся на вышку? На вышку могу взобраться один я. Ну и ты, конечно. Им надо что-нибудь пониже. Знаешь какую-нибудь пещеру или заброшенный дом?

– Я знаю, – вспомнил Маклеод. – Недалеко от вышки есть дом лесника, он пустует уже года два. Там и гараж есть, для велосипеда. Мы там были с Денисом.

– Я тоже с вами пойду, – сказал Григорий. – Малость перекушу. Возле лодки подождите.

– Я их подальше уведу, – сказала ворона, – а то ими перекусит Мартонен.

Юстас посадил в Машину корзинку цыплят, приказал им не пищать и не прыгать, туда же поставил ведерочко с зерном и попросил Макледода нести корзинку. Пес взял ручку корзинки в пасть, и отряд двинулся в путь. Цыплята, видя над собой оскаленную пасть собаки и ощущая ее жаркое дыхание, испуганно запищали, но батюшка прикрикнул на них, что оставит их на съедение Мартонену. Устав бояться, цыплята успокоились. Вскоре им стало казаться, что пес улыбается, и они уснули.

Едва успели беглецы скрыться из виду, как к дому подкатила машина, из которой вылезли толстый пожилой мужчина с девушкой, а с ними Аарно Какконен и Калле. Подойдя к крыльцу, они стали что-то обсуждать. Григорий оторвался от своего блюдечка, чтобы разглядеть приезжих.

«А почему Калле? Похоже, переводить будет. Финны-то друг с другом сталкиваются и без переводчика, а с русскими нужен толмач», – рассудил Григорий. Разбудив Петра (хорошо, тот спал на диване), кот сообщил ему о нашествии финнов и о том, что куры уже – благодаря его заботам – вне опасности. Григорий вспомнил фильм, где черные рабы, рискуя жизнью, убежали от белых рабовладельцев, и пожалел, что не досмотрел его до конца. Что случилось с ними? Тут раздался стук в дверь.

– Петр, встречай! – позвал Калле.

Петр вышел на крыльцо, пожал приехавшим руки и, предупредив, что все еще спят, пригласил гостей в дом. Усадив их на диван, подsunул журналы с фотографиями садов и интервью Финляндии.

– Калле, переведи им: люблю тысячеозерный край! Швеция богаче, но Финляндия милей! А я пока кофе сооружу. Чего принесло спозаранку?

– Я ж тебе говорил! За курами. Позвонили, чтоб переводил.

Эстонец о чем-то долго шептался с финнами, потом сказал:

– Хотели компенсацию содрать, но я уболтал их. Компенсируешь мне, когда моя уедет куда-нибудь.

– Прошу за стол, – пригласил хозяин гостей. – Кофе с бутербродами.

Не успели допить кофе и несколько натянуто пообщаться, как из спальни вышла заспанная Ирина в ночной сорочке.

– Чего шумите? – Увидев гостей, она ойкнула и скрылась в спальне. Вышла в халате.

– Ирина, – представил ее Калле. – А это Инту Мартонен, его дочь Миия, Аарно Какконен.

– Всё о'кей? – спросила Ирина гостей.

– О'кей, о'кей! – успокоил ее Калле.

– Мы за курами, – сказал Петр.

Двери сарая оказались открытыми настежь. На пороге лежал растрепанный пучок сена. Кур внутри не было, не было их и во дворе. Петр в задумчивости смотрел на сарай. Мартонен сказал что-то Калле.

– Спрашивает, кто открыл дверь?

– А я откуда знаю? Вы же меня разбудили.

Финны подозрительно поглядывали на Петра и о чем-то спорили. Калле не стал переводить, а пришел Петру на выручку:

– Похоже, и от тебя смылись. Не съел же ты их?! Скажу, не знаешь, где они.

Эстонец обратился к финнам, и те затараторили еще громче.

– Не верят, – пояснил Калле. – Говорят, спрятал.

– Где я их спрятал?! Пусть осмотрят дом, сарай, двор!

Какконен предложил гостям осмотреть владения Петра, но Калле всё же убедил финнов не раздувать из-за кур международный скандал – ясно, что птиц нет, ведь не слышно их голосов.

Не солоно хлебавши, Мартонены сухо попрощались и укатили в свой поселок, а Какконен с Калле разошлись по домам.

Беглецы тем временем, опасаясь преследования Мартонена, были уже за поселком. И хотя проводником была ворона, истинным проводником себя считал Григорий, догнавший их уже за последним домом. Он шел впереди всех, задрав хвост трубой. А ворона пусть летает там наверху – тешит себя нехитрым своим делом!

Идти по утоптанной тропинке было легко и приятно, и кот невольно очаровывался красотой местности. Во всяком случае, Дарий-Григорий Второй, воспитанный на телефильмах о разнообразии животного и растительного мира, имел хороший вкус и умел ценить природную красоту! Особенно сейчас, ранним июньским утром, на этой чудесной тропинке, огибавшей озеро. Огромные и стройные, как струны, светлые сосны и березы сменялись такими же огромными, но тяжелыми угрюмыми елями. Там и сям лежали разбросанные ледником валуны и глыбы, похожие на яйца доисторических монстров. Поляны не созревшей еще черники и брусники перемежались папоротниковыми коврами. Кот с интересом отметил, как появилось два солнца. Одно отсекало зеленые верхушки деревьев, росших ниже к воде, а второе резало бурые и белые стволы у основания. Оказывается, сверху было настоящее солнце, а внизу всего лишь его отражение в озере, и то не одно, а неожиданно два, три, пять отражений – в зависимости от ширины водоема в этом месте. Когда шли ельником, стало прохладно и тревожно, и богатому воображению кота померещился уродливый ящер, с клёкотом вылетевший из темной чащи. Григорий даже на мгновение замер, но тут же прогнал свои фантазии. И тут едва не наступил на гадюку, гревшуюся на плоском камне прямо на тропинке. Она была точь-в-точь под цвет камня.

Кот остановился и предостерегающе поднял лапу. Петух, увидев змею, хотел тут же наброситься на нее, но Григорий успел остановить безумца.

– Я поговорю с ней. Я знаю, как надо общаться со змеями. А вы уйдите с тропинки и встаньте в сторонке, на том пригорке.

Кот подошел к гадюке ближе и уселся на задние лапы. Умывшись (он считал, что со змеями надо разговаривать только тщательно умывшись), Григорий обратился к пестрому кожаному чулку. Голос его был мягок и бархатист, он успокаивал и гипнотизировал.

– Доброе утро, красавица... Какое сегодня прекрасное солнце... И настроение чудесное... Недалеко отсюда я видел чудную мышиную норку и слышал, как в ней пищат мыши... Недалеко, прямо по тропинке, сразу за поворотом с правой стороны... Кстати, там же, но надо спуститься ближе к воде, болотце и в нем лягушки...

Не поблагодарив информатора, гадюка шмыгнула мимо него и заскользила по тропинке.

Путники тронулись дальше. Вскоре тропинка раздвоилась, предлагая идти дальше вдоль озера, либо в сторону и вверх, вглубь острова. Ворона прокричала, что надо идти направо, и кот повел отряд в гору, в гущу леса. Появилось много глыб, упавших деревьев, сломанных старостью и ураганами. Приходилось то и дело перепрыгивать с камня на камень, огибать валуны, перелезать или подлезать под упавшие березки и осины – здесь они были совсем другие, чем на берегу, – карликовые и хлипкие, прорастать сквозь заросли калины, барбариса, шиповника. Нелегко было Маклеоду на старости лет демонстрировать эквилибристику с корзиной в пасти! Но пес успешно справлялся с царским заданием.

Ступать правее или левее тропинки было страшно, так как земля была покрыта пухлым слоем пружинящего мха, тысячекратно перегнившей листвы и сосновых иголок, трухлявых стволов и веток – под этим покровом наверняка были провалы, расщелины, ямы с неведомыми гадами и чудовищами!

Наконец вышли к вышке. Ворона взлетела на нее и проорала оттуда, что дом лесника уже близко. Похоже, тут уже много лет не было живой души. Всё же пришлось идти по пухлой почве сквозь заросли, паутину и колючки. Под лапами глухо потрескивали гнилые ветки, они то и дело погружались в бурое месиво перегноя. Но вот и дом, черный, покосившийся, с лопнувшими стеклами и дверью на одной петле. Осторожно зашли внутрь. Было глухо и пусто. Рядом с крепко сколоченным столом стояли две скамьи, вырубленные из сосновых стволов. В углу стояла допотопная койка с панцирной сеткой и никелированными шарами на спинках. Поперек ее лежал полосатый матрац, подушек и одеяла не было. Не было ни посуды, ни одежды,

ни запасов еды. В небольшом шкафчике стояла банка с затвердевшей солью, лежала коробка отсыревших спичек, толстая оплывшая свеча и два желтоватых кусочка сахара-рафинада.

– Да, братцы, не разгуляешься, – сказал Маклеод. – Придется таскать еду из дома. Боюсь, один не справлюсь.

– Почему один?! – с возмущенно воскликнула ворона. – Мы с Дарием-Григорием Вторым поможем! Ведь поможем?

– Поможем, – кивнул кот. – Щедро, по-царски. Да можно и тут мышей половить. Чую, есть.

– Кому ты хочешь мышей половить? – спросил пес. – Где ты видел кур, которые едят мясо?

– Юстас любит червяков. Сам говорил.

– Курица не птица, червяк не мясо! – опрометчиво произнес Маклеод.

– Но-но-но! – предостерег петух. – Чтобы я в последний раз слышал это!

Уже вечерело, в доме сгустился сумрак. Загустела и тишина. Она стала как кисель, который очень любили Маша и Даша, а Григорий терпеть не мог! То ли дело зеленые оливки и черный кофе!.. Уставшие и голодные путешественники сидели на скамьях и тупо глядели на пустой стол. Не было сил выйти из дома и поискать что-нибудь съестное. Птенцы уснули, съев перед этим всё прихваченное зерно, а взрослым мерещилась вкусная еда: Маклеоду – кость с мясом, Григорию – всё те же зеленые оливки и черный кофе, Чернавке – кусочки шашлыка, а Юстасу с женами – червяки и зерно. Им уже стало казаться, что сейчас они готовы съесть всё, что угодно, хоть волка. Однако усталость вскоре сморила всех.

Куры тоже стали кемарить, как вдруг в дверь постучали. Звук был тихий, осторожный и оттого устрашающий. Дверь была приоткрыта, и с добрыми намерениями кто бы стал стучать? Подал бы голос и зашел с дружеским приветствием. Кто? Петр? Если Петр, ладно. Хотя он и без стука зашел бы. А вдруг рабовладелец Мартонен?! Отсюда не убежать, не вырваться, даже если Юстасу стать грудью на защиту своего семейства, и всем его друзьям прийти ему на помощь.

– Я сейчас, – сказала ворона. – В окошко выскочу и посмотрю.

– Я с тобой, – поддержал ее Григорий. – Ты сверху смотри, а я снизу.

Через несколько минут они вернулись в дом и сказали, что рядом с домом никого нет. У дверей лежит то ли белый тюк, то ли полиэтиленовый пакет, наполненный под завязку, и черное ведро на нем, видно лесник забыл.

– А кто-нибудь видел этот пакет, когда заходили? – спросил Маклеод.

И тут снова послышалось: «Тук-тук! Тук-тук!»

– Вот, – пошутил Григорий. – То тюк, то тук! А потом так-так!

– Смотрю я на вас, братцы, и ржу, – стала насмехаться над боязливыми спутниками ворона. – Смотрю и ржу...

– Смотри, ржой не покройся! – сказал Григорий. – Ржет она! Слышала бы ты, как ржет тяжеловоз жеребец Титан породы брабансон! Не похвалялась бы тут! Кстати, неплохо было бы этого жеребца сюда, разогнать страх-тоску. Вот так! Так-так!

И тут в третий раз раздался стук, и скрипнула дверь...

Глава 6. Добрый край

– Так-так! – раздался скрипучий, но вовсе не противный голос. – Так-так! Кто зовет меня?

Глазам ошеломленных скитальцев в дверном проеме предстало белое создание, напоминавшее снеговик, с передними лапками, как у белки, хвостом с кисточкой и в черной шляпе. У куриц и Маклеода душа ушла в пятки, даже Юстас и Гриша слегка смутились. Ворона же предпочла юркнуть в окно и наблюдать за происходящим снаружи.

– И вот на «так-так» явился Так-так! – пробормотал опомнившись кот. – Добро пожаловать, херра¹ Так-так! – Сломав пять спичек, Григорий зажег свечу и примостил ее в щель на столе.

– Рад видеть вас, мои друзья, в нашем Добром краю! Не обессудьте, что нет провианта, но это чепуха. В получасе ходьбы живет славная старушка, родом из России – там ее по досадной ошибке прозвали бабой Ягой. Так вот, она моя троюродная бабушка, а я ее двоюродный внучатый племянник, внук ее двоюродной племянницы. Вижу, запутал вас. Короче, седьмая вода на киселе. Я столуюсь у нее. Бабушка рада будет принять нас и накормить от пуза.

– На лопату посадит и в печь! – прошептала Дура-Жанна. Порой и ее осеняла мысль.

– Первую тебя! – зашипел на нее петух. – Нишкни!

– Позвольте представить вам, херра Так-так, моих друзей! – Кот справился со смущением. – Начну с себя. С вашего позволения, сэр Дарий-Григорий Второй, персидскоподданный. Это мои спутники: шотландский барон Гордон Первый Маклеод Единственный, рыцарь Юстас с двумя Дульсинеями, Пеструхой и Д'Жанной, посланница богов, близкая родственница вещего Ворона Чернавка, ну а там спит мелочь пузатая, пока никто. У них обряд инициации по осени будет.

– А что за обряд? – неожиданно заинтересовался Так-так.

– По осени посчитают и решат, быть им курами или табака.

– Турецким табака? – уточнил Так-так.

– Зачем же, финским.

Д'Жанна, попыталась было возразить их благородию, позволившему себе небрежно, вскользь отозваться о ее талантливых детках, но супруг так грозно взглянул на нее, что курица осеклась и не посмела открыть клюв.

– Прошу прощения, херра Так-так, за излишнее любопытство... – Кот сделал паузу. – Вы служите клерком или член Палаты общин?

– Иногда меня называют кодин-халтья, хотя кодин-халтья – даже не клерк, заурядный домовый, маленький человечек, вроде гнома, а я, как видите, посолднее, просто Так-так. Кстати, дальний родственник Муми-тролля, очень дальний, десятая вода на киселе. Но вовсе не муми-тролль. И даже не ложный муми-тролль. Ну что вы! Это грибы сплошь ложные да царевичи! Конечно, отдаленно я похож на представителя этого славного рода, но все же я просто Так-так, единственный в своем роде. Это мой титул: Единственный в своем роде.

– Как и у меня! – с восторгом произнес Маклеод.

– Ну как же, как же! – воскликнул Григорий. – То-то я гляжу, знакомая морда! Ну конечно же, вы, херра Так-так, Единственный в своем роде, из Долины Муми-троллей, что под Турку! Как же, как же!

Спутники кота с благоговением посмотрели на крупнейшего знатока истории Суоми и ее культуры, а Так-так и вовсе снял пред ним шляпу.

– Повторяю, я не совсем муми-тролль, я просто Так-так, Единственный в своем роде.

¹ Herга, херра (фин.) – обращение к мужчине, господин.

– Присаживайтесь, херра Так-так, Единственный в своем роде! Вы же хозяин, а мы ваши гости! Я преклоняюсь перед вашим королевским смирением! – в очередной раз улестил хозяина кот.

Хозяин уселся и стал с любопытством разглядывать незваных гостей, вокруг которых плясали и извивались тени, покинувшие стены жилища. Посидев и помолчав минут десять, он поднялся, надел шляпу и предложил отправиться к бабушке. По его словам, та, зная об их приходе, уже третий час печет вкуснейший пирог из ржаной муки – калакукко с лососем и перловкой и неделю назад замутила бражку.

– Позвольте, – обеспокоился Юстас, – но по-фински кукко – петух! Уж не из петуха ли пирог?

– Уха из петуха! – пошутил Маклеод.

– Ну что вы, что вы! – успокоил Юстаса Так-так. – Она в курсе, что среди едоков будет петух! Как бы она допустила это!

– Как же получается, херра Так-так, Единственный в своем роде, – осторожно спросил кот, – мы знакомы всего четверть часа, а ваша бабушка уже третий час печет для нас пирог и неделю назад замутила бражку? Как такое возможно?

– Что вы удивляетесь, херра Дарий-Григорий Второй? Тут всё известно на неделю вперед. Аномальная зона. Не бойтесь, это не обычная аномальная зона, где происходят всякие ужасы, а единственная необычная, хотя тоже рождена поворотом подземной реки и особым узлом невидимой земной сетки. Аномальная зона добра, Добрый край. У нас еще будет время, и я расскажу о ней. Вам как, комфортно? Не чувствуете беспричинного страха?

– Нет! – сказал кот. – Одно лишь бесстрашие!

– Вот и отлично. Ну что, идем? Свечу захватите, а у меня есть фонарик.

Путники выбрались из дома. Свежий ветер тут же задул свечу. Настала ночь, и поскольку к вечеру стянулись облака, темень была, хоть глаз выколи. Так-так зажег фонарик и повел гостей по едва заметной тропке. За Так-таким шли вереницей ворона (она не стала лететь, боясь напороться на торчавшие в беспорядке сучья и ветки), кот, петух с женами, замыкал отряд пес с цыплятами. Гриша какое-то время терпел ворону впереди себя, но, в конце концов, занял ее место. Проводник изредка останавливался и ощупывал фонариком путников, чтобы удостовериться, не отстал ли кто от группы. Когда узкий луч света прыгал по нависшим веткам, то и дело проваливаясь в бездонную темноту, становилось жутко, но голодным и смертельно уставшим путникам было не до страха. К тому же заметно похолодало. Все мечтали поскорее дойти до приюта, согреться, поесть и как следует отдохнуть. Ведь впереди была полная неизвестность. Край, может быть, и добрый, но к кому? Одним цыплятам в корзинке, прижавшимся друг к другу, было уютно и тепло от дыхания Маклеода.

– Вот мы и пришли, – произнес Так-так и осветил фонариком небольшую бревенчатую избушку.

– А мы поместимся там? – спросил Григорий.

– Поместитесь! Это снаружи избушка выглядит маленькой, а внутри просторно! Я ж говорил про аномальную зону. Тут не только за неделю вперед всё известно, а и пространство раздвигается в любую сторону на пятьсот километров. Хоть до поселка вашего первого хозяина Мартонена, славный рыцарь Юстас, или до вашего Петербурга, славный шотландский барон Гордон Первый Маклеод Единственный.

– Из избушки можно попасть прямо в мой дом? – спросил кот.

– Да запросто!

– Что, и Мартонен может попасть в избушку? – забеспокоился петух.

– А вот это нет! Здесь одностороннее движение, полупроводник, если проходили физику твердого тела. Туда можно, оттуда нет. Оттуда только тем путем, которым я вас привел. Ну да что мы стоим? В ногах правды нет.

Так-так снял шляпу и пригласил пройти в избушку. Гостей встретила старушка, опрятно одетая, в цветастом передничке, гладко причесанная, без всяких пресловутых косм, о которых столько наврали всякие сказочники. Лучезарно глядя на входящих, она протягивала им хлеб-соль и приветствовала:

– Добро пожаловать в мой дом!

Так-так представил ее гостям:

– Моя третьестепенная бабушка, руова² Лоухи.

– Вообще-то я нэйти,³ – поправила третьестепенного внука старушка, – но это неважно. Я не имею никакого отношения к той Лоухи, что в «Калевале», но я тоже родом из Карелии. Из России. Так что многим из вас землячка. Да и остальным не чужая, так как, сколько помню себя, живу в Финляндии. На два дома в одном доме, во как! Этот домишко пришел сюда еще в девятнадцатом веке.

Затем Так-так представил пришедших, не забыв титул каждого, а про цыплят сказал, что это наиболее вероятные претенденты на производство финского табака. Дура-Жанна опять было всколыхнулась, но Юстас гневно толкнул ее крылом. Та тут же успокоилась. Когда ее цыплят начинали хвалить, Дура-Жанна от гордости надувалась и лезла вперед, а как переставали, тут же забывала о них.

Гости уже стали переминаться с лапы на лапу от долгой церемонии представления, но тут Так-так пригласил всех за стол, посреди которого радушно дымился огромный ароматный пирог из ржаной муки калакукко с лососем и перловкой и застыла в почтении пред гостями пузатая бутылка бражки.

– На землянике, – указала Лоухи на бутылку.

Так-так ловко разлил бардовый напиток по стаканчикам.

– За тебя, бабуля! За вас, дорогие гости! За Добрый край! – произнес он, ловко объединив сразу три тоста.

Бражка и пирог были такие вкусные, что едоки не заметили, как умяли всё до последней крошки. Кот, отдуваясь, сказал:

– Здесь, и правда, время другое. Хотел бы вкушать этот пирог целую вечность, а он закончился в мгновение ока!

– Благодарю вас, досточтимый сэра Дарий-Григорий Второй за столь изысканный комплимент! – произнес Так-так, а Лоухи подскочила со своего табурета и сделала девичий книксен.

– Я рада! Я так рада! – воскликнула она. – С хорошими гостями и хозяева хорошо покушают! А теперь прошу в опочивальню! – Старушка ткнула пальцем в стенку, и та вдруг показала куда-то вдаль, открыв комнату с кроватями, налитую свежим запахом простынь и наволочек.

² Ruova, руова (фин.) – обращение к замужней женщине, госпожа.

³ Neiti, нэйти (фин.) – обращение к девушке.

Глава 7. Ночная беседа

Едва коснувшись головами подушек, путники тут же провалились в сон, глубокий и спокойный, какой бывает разве что в детской колыбели. Не спалось лишь Григорию. Как ни странно, новое место настроило его на мечтательный лад. При таком настроении кота обычно тянуло на свежий воздух, под звезды и луну, к запахам и звукам бездонной тьмы. В такие минуты он упивался своим одиночеством и воспоминаниями... Гриша поднялся с постели и вышел из спальни. Старушка с внуком сидели возле самовара и пили чай.

– Не спится? – улыбнулась Лоухи. – Что-то мешает?

– Нет, благодарствую. Всё прекрасно.

– Чайку?

– С удовольствием!

Кот сел на табурет и налил чай в блюдце.

– Узнаю русскую привычку пить чай из блюдечка и прикусывать рафинадом.

– Они давно так не пьют, – сказал Так-так. – Это уже пережиток.

– Ну что ты, Такушка! Господин Дарий-Григорий Второй вовсе не похож на саблезубого кота.

– Я выродок, роува Лоухи, – пошутил Григорий.

– Найти, – мягко поправила кота старушка. – Лучше говорите: госпожа.

– Миль пардон, госпожа найти! Горячий не пью, как обжегся на молоке. Хозяйка кастрюльку не закрыла.

– Как, нарочно?

– Ну что вы! Есть грех – любопытен... Какой ароматный чай!

– Иван-чай. Иммуитет повышает и очень полезен мужчинам.

– Я не жалею, – откашлялся кот. – Впрочем, я одинок. Юстасу надо порекомендовать.

– Маклеоду не помешает, – сказал Так-так. – Беднягу утомила дорога.

– Старенький он, – вздохнул Григорий. – А скажите, почему вы это место называете Добрым краем? Это официальное название или аллегория?

– Официальное. И единственное. Другого Доброго края нет. Тут только мы с бабулей живем да теперь вы. Сюда даже злой комар не проскочит без нашего разрешения.

– А как же мы?

– Интересная компашка у вас подобралась, явных злючек нет, есть не очень далекие особы, но это поправимо, тут всё близко. А неявные злючки у нас легко становятся самыми добродушными созданиями.

– Да-да, очень легко! – подтвердила Лоухи.

Незаметно прошел час, может, и больше – время тут не ощущалось. Из спальни вышел Маклеод. Ему тоже предложили чай, но вместо сахара хозяйка подала сахарную косточку, чем растрогала старика до слез.

Так-так, заметив, что кота и особенно пса напрягает обращение по полной форме, предложил демократически обходиться без титулов, бесполезных в этом месте.

– Ведь мы, в конце концов, не в Палате общин, – сказал Так-так и одобрительно улыбнулся Грише, заметив, что тот оценил шутку. Ничто так не сближает и ничто не дается так легко, как чувство юмора, когда оно есть.

– А Юстас не может без титула, – сказал Маклеод. – Он носит его, как орден.

– Петух, что вы хотите! Петуху без титула только в котел или на мангал. А с титулом можно и в историю попасть. В крайнем случае, в элиту.

Услышав про элиту, Григорий не удержался от философской мысли, косвенно намекая, что и он из этих же сфер:

– В элите кого только не встретишь!

– Да-да, – согласился Так-так. – Жаль, в непогоду с элиты сползает позолота, обнажая чернь... Не сочтите назойливым, – обратился он к сеттеру, – ведь у вас нет паспорта? Как вы пересекли границу? И от бешенства не привиты. Хотя и так видно, что вы не бешеный.

– Боже упаси!

– У вас должна быть масса справок.

– Кошмар сколько! – сказал пес. – Я вообще не знаю, зачем людям эта морока с собачьими документами? Себя они не парят – получил шенген и ступай, куда хочешь! А для меня нужны ветеринарная книжка, клеймо, микрочип, всякие прививки, глистогон, международный сертификат... Я породистый, значит, еще справка о том, что своим отсутствием (и кто его заметит, мое отсутствие?) я не нанесу вреда отечественному собаководству! Что я не единственный представитель породы (а ведь я единственный!), что без меня не вымрет порода в стране. Так она и без меня вымрет – вместе со мной. К тому же документы должны быть на английском языке, который Денис не знает и знать не хочет. И это не главное!

– А что же главное? – полюбопытствовал Так-так. – Вы так интересно рассказываете о темном для меня предмете – пограничных заморочках. Мы с бабулей живем без границ. Зачем границы добру? Границы там, где зло.

– Вы правы, именно заморочках! За то время, что проверяют мои документы и сканируют чип, тысячи диких зверей, поодиночке и стаями, без паспортов и без чипов пересекают границу! И никто не останавливает их! Как их остановишь? Когда я шел позади волчьей стаи, пограничники не остановили нас. Навстречу промчались кабаны с поросятами, волки посторонились, а солдаты и вовсе попрятались от них. Страху тогда я натерпелся!

– Повезло вам, – поддакнул Так-так. – Эти растерзают и волка. Теперь понятно, как вы очутились здесь. Вы бродяга без паспорта. Как же так, ведь у вас богатая родословная!

– Се ля ви,⁴ – вздохнул пес. – Собачья жизнь! Я один в шотландской родне без паспорта!

– Почему? Когда вас забирали из клуба, должны были выдать паспорт.

– Дело в том, что я не от клуба. Мои родители – папаша с длинной родословной, а вот мамаша беспаспортная, хоть и аристократических кровей. Ее ввезли в Россию контрабандой. Можно, конечно, было оформить паспорт, но Денису не до этого было. И я стал переходить границу, как волк. Хозяин высаживал меня из машины за несколько километров до пункта пропуска, я пересекал границу, а потом подсаживался к нему уже на той стороне. И обратно так же. Практикуем не первый год.

– Да вы, батенька, не просто бродяга, вы злостный нарушитель границы! Упекут вашего хозяина в каталажку!

– Не упекут. Он в России. В Штатах шерсть вывел, теперь на водах.

– Я в курсе, – ухмыльнулся Так-так. – Хотя по статусу вас можно причислить и к эмигрантам. «Без бумажки ты – букашка, А с бумажкой – человек» – помните песенку? Ну да оставим это. Я обещал рассказать о нашей зоне. Вам это будет интересно, а птицы обойдутся – поверхностные создания! Особенно дамы.

При этих словах Гриша самодовольно усмехнулся, а Маклеод жарко задышал, что у него было знаком высочайшего одобрения.

– Вышло так, друзья мои, – продолжил Так-так, – что наш край сплошь окружили аномальные зоны. Люди не замечают этого, у них всё аномальное давно превратилось в нормальное, а отсюда хорошо видно, как там гибнет всё живое. Что вы хотите – гиблые места! Нам с бабулей трудно стало бороться с наползающей лавой зла.

– А как вы боретесь?

⁴ C'est La Vie (фр.) – такова жизнь.

– Зло не снаружи, зло внутри нас. Надо изгнать его из себя, и не впускать новое. Как только у нас это получилось, край стал Добрым.

– А практически, как это сделать? Ведь зло с добром не разорвать.

– Мы же знаем, что будет через неделю, вот и разбираемся семь дней, где зло, а где добро, отделяем их друг от друга. Я сделал сепаратор, в котором отбиваю зло и выбрасываю его в сточную канаву. Плохо, конечно, что оно возвращается в человеческий мир. Но там всё равно никому до этого дела нет. Да и это обычный круговорот зла в природе. Зато хоть наш край без зла, и занимает площадь диаметром в тысячу километров!

– А как понять, что тут зона добра?

– Торопитесь вы! Всё узнаете. Комфортно здесь, ничто не гнетет? Это главное – нет страха. Как рассветет, я покажу окрестности. Здесь вы не увидите погибших птиц и животных, выжженной земли и сгоревших дотла деревьев. Тут нет светящихся шаров, странных предметов, нет призраков в белом (не считая меня, но я не видение, можете пощупать), пугающих звуков и мстительных взглядов. Тут вообще нет ничего, что нельзя объяснить. Зато сколько красивых деревьев, кустарников, цветов! Ясень, ольха, лещина, бересклет, крушина... Нарциссы, гортензия, анютины глазки, пеларгония, петуния, рододендроны... Поляны розового вереска и земляники! А малина, сирень! О, скорее бы настал рассвет!

Глава 8. Происшествие

Забрезжил рассвет, но – удивительное дело – Юстас не проснулся, во всяком случае, не драп по привычке горло. Гриша вышел на крыльцо, протер лапой влажные перила. Взошло солнце, зажужжали мухи. Совсем не хотелось спать. Но почему дрыхнет петух? Вышли Так-так с Лоухи.

– Не заболел ли наш Карузо? – спросил кот.

– Чего ему тут орать? – сказал Так-так. – Петушиный крик – пустое, бахвальство одно.

Перед кем здесь бахвалиться?

Петух, словно услышав, что речь шла о нем, вышел на крыльцо, громко хлопнув дверью и разбудив всех, кто еще спал. Послышалось кудахтанье, цыплячий писк.

– А где Чернавка? – спросил Юстас. – В спальне ее нет.

– Обследует край, – успокоила петуха хозяйка. – Все встали? Завтрак на столе.

После завтрака Так-так повел гостей на вересковую поляну, потом в малинник, в котором малина созревала на месяц раньше, чем в других местах. В малиннике они увидели ворону. Чернавка с большим аппетитом уплетала ягоды.

– Вот не знала о такой вкуснятине! – воскликнула она.

– Конечно, малина только в Африке растет! – сыронизировал Григорий. – Михал Ивановичу оставь!

– Он сейчас рыбу ловит, – сказал Так-так.

– Эх, и я по рыбалке соскучился!

– В чем же дело? – сказал Так-так. – Озеро вон там. В лодке удочки, банка с червями, ведро. А мы еще походим.

– Я с тобой! – воскликнул петух. – Никогда не ловил рыбу!

– Зачем она тебе? Смотри, сколько ягод, жуков-червяков! – пробовал урезонить петуха кот, опасаясь, что тот своим криком распугает рыбу, но Юстаса было не переубедить. Пришлось взять его.

– Ты хоть ловил рыбу на удочку?

– Рыба летает?

– Всё ясно. Не хуже тебя.

– Юстас! – воскликнула Дура-Жанна. – Ты обещал поиграть с цыплятами!

– Вот и играй! Не лезь в мужские дела! – оборвал курицу петух, а кот добавил:

– Ешь червяков да неси яйца.

Юстас одобрительно засмеялся.

Озеро оказалось недалеко. Глазам рыбаков предстал тихий заливчик, покрытый лилиями с коридором чистой воды для прохода лодки. Лодка стояла на причале. Они взяли удочки, банку с червями, ведро для улова и уселись на бережку.

– Нанижи червячка. – Кот поплевал на червяка и ловко нанизал его на крючок. – Делай как я, боец!

Петух поплевал на червяка и проглотил его.

– Нанизал? Теперь забрасывай.

Юстас кинул удочку в воду.

Кот от неожиданности подскочил на месте и покрутил у виска лапой.

– Ты чего? Крючок надо забрасывать, а не удилище!

– Да откуда я знал? – обиделся петух.

– Как теперь ее достать? Плавать умеешь?

– Я? – передернулся от ужаса петух.

– Эх, неумеха! Чего не сделаешь ради друга.

Кот, задрав хвост, на задних лапах зашел в воду и палкой подтянул удилище.

Рыболовы закинули крючки и стали ждать поклевки. У кота клевало, но всякий раз рыба срывалась.

– Не везет, – вздохнул Григорий. – А почему у тебя не клюет? Погляди крючок, червяка нет? Ну да, голый. Рыба съела. Нанизывай нового. Э, приятель, а чего это ты его в клюв взял?

– А чем мне его брать? У меня нет твоих когтей.

– О господи, что у тебя вообще есть, голодранец? Плюй и забрасывай в воду.

– Червяка?! – опешил Юстас. – Ты что? Его – в воду?

– Дурень! На него же рыбу ловят! Дай нанижу!

Знай петух, что придется червяка бросать на съедение рыбам – ни за что не пошел бы на рыбалку! Но скоро у него заклевало, и он вытащил красноперку. Рыбка сорвалась с крючка и, сверкнув на солнце, шлепнулась на песок. В это время повело поплавок и у кота. Григорий схватил удилище и встал на кромку берега. Хвост его распушился, усы встали торчком, глаза загорелись. Не чуждый чувства прекрасного, Юстас подумал: «Хороший вышел бы портрет рыбака Григория, будь я художником!» Затем петух перевел взгляд на прыгавшую рыбку и, склонив голову, с интересом наблюдал, как та прыгала к воде, пока не булькнула в озеро. У кота поплавок замер, он достал леску из воды, на крючке червяка не было.

– А ты чего упустил рыбу?

– Почему упустил? Поймал. Она сама упрыгала.

– Поймал, когда она в ведре будет!

– Зачем ее туда? – буркнул петух. – В озере ей лучше.

Вскоре послышались голоса. Прибежали цыплята, а за ними появились и все остальные.

– Как улов? – спросил Так-так и глянул в ведро. Там было пусто. – Ничего, в другой раз поймаете. Но в другом месте. Здесь одни шуки, а для них блесна нужна.

* * *

Незаметно пролетело три дня, и Григорий захандрил. Он вдруг подумал, что Петр наверняка ищет его и конечно же нигде не может найти. «Как же я забыл о нем? – ругал себя кот. – Ведь он никогда не забывал обо мне. Даже уезжая в командировку договаривался с Максимом, чтобы тот приходил кормить меня, причесывать, включать на час-другой телевизор... Какой же я неблагодарный!»

Так-так обратил внимание на упавшее настроение Григория и спросил, не хочет ли тот навестить Петра. Кот обрадовался и машинально спросил:

– Может и Маклеода с Юстасом захватить? О них ведь тоже беспокоятся.

– Захвати. Знаешь что, я, пожалуй, тоже с вами пойду. Посмотрю, как там Петр, Зинаида. Мартонена навещу, давненько не был у него.

– Вы знакомы? – удивился Гриша.

– Общались как-то, – уклончиво ответил Так-так. – Нормальный мужчина.

Но в этот же день отправиться в поселок не получилось. Помешало неожиданное происшествие. В полдень возле избушки Лоухи объявились трое парней. Они о чем-то громко спорили. На крыльцо вышла Лоухи.

– А вот и баба Яга! – загоготал один из юнцов в ковбойской бандане.

– Кто такой, мил-человек? – спросила его хозяйка.

– Экстремал. Бабуся, ты чё, тут в натуре живешь?

– Живу, милок, и тружусь. Вы-то что тут забыли?

– Остров изучаем. Заплутали малость.

– Чего изучать его? Остров как остров.

– Мы спецы по аномальным зонам.

– И с богом! Где вы тут увидели аномальную зону?
– Ну как же, на карте отмечено.
– На какой?
– Въедливая старушка, – бросил речистый экстремал приятелям и небрежно помахал в воздухе рукой: – Да их полно этих карт с геопатогенными зонами!
– Ты хоть одну-то покажи! – не сдавалась Лоухи. Из дверей вышел Так-так.
– А это что за чудо! – воскликнула бандана.
– Чудо-юдо рыба-кит! – отрезал хозяин. – И царь Спарты Леонид!
– Опаньки! – опешил ковбой. – Бабуся, зачем карта? Вот это – разве не из зоны? – Он вдруг захлопал себя руками по ляжкам и дико загоготал. А двое других в восторге стали стучаться лбами, как бараны.

Тут на крыльце появился Григорий. Он сел на перила, свесив задние лапы, и спросил парня:

– Чего гогочешь, гусь?
Юнец едва не лишился дара речи.
– Товарищи! Да тут и коты говорящие!
– Еще и козлы, – не удержался Григорий от оскорбления. Он-то хорошо знал, как не любят люди этого обидного прозвища, хотя, что плохого, скажем, в винторогом козле или в туре? Отменные красавцы!
– Что ты вякнул, комок рыжей пакли? Да я тебя! – Парень замахнулся на кота, но тот неуловимым движением лапы разодрал ему руку.
– Не суйся! Еще получишь, – спокойно сказал он пострадавшему, но тот схватил палку. Так-так разозлился не на шутку:
– Молодые люди! Вам лучше убраться отсюда подобру-поздорову. Считаю до трех. Однако поганцы вовсе не думали убираться, а стали подниматься на крыльцо.
– Раз! Два! Три! – сказал хозяин края и дунул на пришельцев. Тех в мгновение ока не стало. Так-так глянул на солнце в зените, словно ища у него поддержки, и обратился к Лоухи: – Как думаешь, в оболочке пробой или что?
– Всё может быть, Такушка. Надо посмотреть.
– Первый раз такое. Как бы за цветочками ягодки не явились... Бабуля, я пошел, до вечера обернусь, а ты продезинфицируй после хлопцев атмосферу.

Глава 9. Страшно даже здесь

Так-так успел вернуться засветло до дождя. С собою он принес целое ведро плотвы, окуней и голавликов. Знакомый рыбак подарил ему рыбу в Карелии, где Так-так обнаружил дыру в оболочке края. К вечеру на небо набегали тучи, стал накрапывать дождь. Все зашли в избушку. Быстро стемнело. В наступившей тишине слышно было, как у проголодавшегося пса урчит в животе. Зажгли свечи. Лоухи, напевая песню из репертуара Мирей Матье, колдовала у плиты, но особого аппетита не было даже у Маклеода. Было тревожно, непонятно отчего. Но когда стряпуха подала толстенную рыбную запеканку, источавшую умопомрачительный аромат, никто не стал дожидаться, когда его попросят скушать хотя бы кусочек. С аппетитом пришел и азарт. Блюдо поглощали так споро, что оно и не заметило, как исчезло со стола.

– Ой, бабуля, уважила! С пальцами проглотил. Спиши рецепт, – нарушил молчание Так-так. Оглядев насытившихся гостей, сменил тему: – Однако надо к буре подготовиться.

– Шторм дойдет до сорока трех узлов, – уточнила Лоухи. – Такушка, ты дыру хорошо залатал?

– Не прорвет, бабуля... Как-то не по себе сегодня, а?

– Да, напирает стихия. Как бы не продавила... Ну да вспомни, как раньше было. Осилим и это.

– Ой, а что осилим? – спросила Дура-Жанна. – Сильно беспокоюсь за чад!

– Осилим ужин, драгоценная Д'Жанна! – воскликнул Так-так. – Да уже осилили! Бабуля, запеканка чудо! Спасибо большое! Пойду избушку закреплю, а то унесет куда-нибудь.

Так-так вышел, бормоча: «Всех любителей чад кинуть в озеро Чад! Потом вынуть оттуда – для любителей чуда. Что за чушь я порю! Д'Жанне чушь подарю!» После плотного ужина на него часто находило поэтическое настроение.

– Когда начнется непогода, вы не пугайтесь, – сказала Лоухи. – В моей избенке бояться нечего. Буря побушует и уйдет, и всё будет, как было. Деток уложи, Жанна, пора им спать.

– Я уложу, – сказал Юстас. – Ребяшня, за мной!

– Какой у тебя заботливый муж! – сказала Лоухи.

Д'Жанна горделиво поглядела на Пеструху, но та проигнорировала ее самодовольный взгляд, так как подбирала крошки со стола.

Так-так тем временем закрепил избушку, чтобы ее не повалил и не унес ветер. По углам домика были цепи, которые хозяин зацепил за огромные крюки-якоря, врытые в землю. Чтобы избушку не придавило поваленное дерево, буде таковое, Так-так окружил ближайшие сосны и березы специальными подпорками, не наносившими вреда стволам.

Ночью началась буря. С воем налетел шквал ветра, под напором которого ломались ветки и огромные деревья гнулись чуть ли не до земли. Засверкали синие молнии. Трескучий и раскатистый гром, казалось, раскалывает небосвод. Хлынул, как из ведра, дождь. Избушка качалась и дергалась, точно ее несло по волнам. Порывы ветра рвали ее с якорей, как воздушный шарик, но цепи были надежные.

– Это лишь шторм, так что не дрейфь, команда! – прокричал Так-так, перекрикивая рев бури, доносившийся снаружи. – Вот когда шторм переходит в ураган, тогда есть чего опасаться, и есть на что поглядеть, но тут такого не было, и вряд ли будет. Хорошо, здесь не открытое море. Видели бы вы ураган на море. Может, кто видел?

Все молчали. Даже Григорий, хотя по телеку он не раз видел жуткие и разрушительные цунами, тайфуны, торнадо. Одно дело видеть в телеке – «бурю в стакане воды», а другое дело – оказаться в бушующем море.

– Незабываемое зрелище! Я наблюдал арктический ураган на Балтике. Волны выше пятиэтажек. Темно-серо-зеленое небо – низкое, лохматое; море, как бешеный зверь, – коричневое

от взбаламученного песка; в воздухе хлопья белой пены и белые чайки. Пену уносит, а чайки висят, как прибитые. Никак не мог понять, почему их не сносит ветер? А они – машут крыльями и сами летят ему навстречу. Молодцы!

К утру буря утихла. Гости уснули. Утихла и тревога, беспокоившая Так-така своей необычностью. Лоухи внешне оставалась бесстрашной, но видно было, что и ей не по себе. Они оба нутром ощущали в воздухе – в атмосфере – какую-то примесь, вроде запах паленых перьев.

Лоухи спросила:

– Такушка, тебе не показалось странной наша тревога? Отчего она? От тех недорослей? А Григорий-то – молодчина! А? От бури? Да что буря, не в первый раз... Словно сам воздух вызвал тревогу. Точно в нем растворилось что-то... А ведь когда я дезинфицировала воздух, он не очень-то хотел очищаться, именно – не хотел, как живое существо! Вот, вот в чем дело! Воздух стал чужим!.. Уже светло. Давай-ка выйдем и посмотрим, как там. С якорей сними избушку, не любит она цепей.

Вышли на крыльцо. Воздух был по-прежнему свеж и приятен, небо обычное, совсем безоблачное, светило солнце, дул приятный ветерок. Хозяева занялись очисткой участка от сломанных веток и шишек. Так-так поднял упавшую изгородь, освободил избушку из якорного плена, слышно было, как та облегченно вздохнула. Лоухи засмеялась:

– Я же говорила тебе!

И тут Лоухи обратила внимание, как с запада наплывают какие-то странные шарообразные и плоские квадратные облака. Уж кто-кто, а она досконально знала об облаках всё, поскольку много лет преподавала в Высшей школе природоведения предмет «Особенности небесной стихии»! По небу ползли исполины, похожие на листы бумаги салатного цвета и катились, подскакивая, изумрудные мячи. Не было ни одного облака привычной формы – в виде нити, когтя, волны, барашка, башенки, паруса, ряби, куска ваты, слюды, хлопьев, бесформенной кучи, наконец, или фигуры! Не было и привычного цвета облаков – ярко-белого, серого, синеватого, темно-синего, расплывчато туманного или перламутрового...

– Может, это НЛО, Такушка? Но сколько! Не может быть!

Так-так в задумчивости глядел на небо и пожимал плечами.

– Ой, теряюсь в догадках, бабуля. Тебе лучше знать.

– Такушка, а уж не газовая ли это атака наших старых друзей? Сходи-ка ты завтра туда, Мартонена проведай, – сказал Лоухи. – Может, и там тоже новости есть.

– Хорошо, бабуль. С утра отправлюсь.

Лоухи и Так-так называли внешний мир, расположенный за краем их Доброго края словом «там», а если надо было наведаться туда, так и говорили – «туда».

Неожиданно небесные полки, точно испугавшись намерения Лоухи разузнать о них «там», исчезли. Не осталось ни одного облака!

Глава 10. И было утро, и был вечер

С утра Лоухи подготавливала новые грядки для пересадки клубники.

– Юстас, зови сюда своих! – позвала она. – Тут дождевых червей полно.

– Благородное дело – труд на земле! – изрек петух, знакомый с мнением на сей счет телеведущих и ведомых, столь же далеких от земледельческого труда, как и он сам. Прохаживаясь по дорожкам между грядками, Юстас ловко выдергивал из взрыхленной почвы червей, длинных и жирных. Лоухи едва сдержала улыбку – петух мог бы стать идеальным натурщиком для живописца, поднатюрешшего на создании монарших портретов.

– И не только благородное, но и здоровое. Думаешь, почему я дожила до моих лет, коим скоро будет сто двадцать пять? Пятью пять – двадцать пять, и еще раз на пять! Пять в кубе – знаком с этой арифметикой?

– Арифметика – мой конек! – воскликнул петух. – А в Кубе живет мой дядя Коко у зятя Мартонена, Педро Ланквиста.

– Да не в Кубе, а на Кубе. Это же не Украина.

– Да не всё ли равно – это грамматика. Арифметика – вот фантастика!

– Ух ты! Именно копошение на земле подарило мне эту фантастику: мои года – мое богатство.

– Я тоже люблю копать в земле!

– Быть и тебе долгожителем. Ну, хотя бы два в кубе. Соображаешь, сколько это?

– Пока с трудом, но лет через сто, думаю, соображу.

На тропинке показался Так-так.

– Наконец-то! Что долго так, Такушка? Я уж беспокоиться стала.

– Всё то же. Инту пока не накормит до отвала, не отпустит.

– Как он?

– Как бочка стал. Кланяется тебе. Хотя наклониться уже и не может. По петуху скучает. Юстас, Мартонен тебе привет шлет! Бабуль, от Инту новости есть, вернее, от его родственника депутата. Пошли в дом, расскажу, отдохнешь заодно.

– Да я полна сил. Я на земле отдыхаю. Клубнику вот надо было еще в том году пересадить. Шестой год пошел, измельчала совсем.

– Пойдем-пойдем, сам посидеть хочу, устал.

Так-так сел возле окошка и рассказал, что у Мартонена всё хорошо, двадцать четвертого июня, на Иванов день выдает замуж Миию, а вот в мире всё хуже и хуже. Депутат на выходные был у Мартонена, сетовал, что этим летом дети и подростки – не только в Финляндии, но и во всем мире – стали совсем неуправляемыми. Верне, они управляемы непонятно кем из Интернета и социальных сетей. Совсем отбились от рук, не слушаются взрослых, стали жестокими и агрессивными, издеваются над стариками. Малышня – сущие бесенята. Якобы выявлен компьютерный вирус Си-1Ви-1 (C1V1), который разрушает не только компьютерную систему, но и человека.

– Только смотри, об этом никому. Инту по секрету сказал.

– Да от меня кому? Разве что Григорию.

– Ему как раз и не надо. От него Петру, от Петра – Ирине, а женщины, уж прости, как решето. А вот в природе никаких изменений я не заметил, хотя в воздухе и чувствовалась тревога, вроде нашей вчерашней. Может, не столь явственная. Облаков не видел. Мартонен тоже ничего про них не слышал.

– Вот что я думаю, Такушка, – сказала Лоухи. – Осталось два-три дня, и эти облака появятся и там. Что принесут они, трудно сказать, но определенно ничего доброго. Не настоящие они. И заметь, перед ними случился ураган, едва не унесший нашу избушку в тартарары.

Думаю, к вечеру надо ждать еще каких-нибудь гостей или природных катаклизмов. Расслабляться нельзя. Надо понять, откуда эта зараза проникает к нам, в чем ее опасность. Признаться, я в замешательстве. До сих пор не по себе, вон, руки даже дрожат...

– Ты меньше на грядках пропадай. Сколько нам надо этой клубники? Разбила плантацию! Сколько грядок, двенадцать? Столько земли перелопатить за утро! Задрожишь тут!

– Ты, Такушка, лучше скажи, на Иванов день будешь цветок папоротника искать?

– Обязательно. Можно и Григория взять, смысленный котик. А для Маклеода надо баньку протопить, чтоб попарил косточки, а после по росе походил.

Лоухи оказалась права. К вечеру снова появились облака необычной формы и неестественного цвета. Причем они не приползли с запада, как вчера, а словно выпрыгнули из-за горизонта. К тому же они были не разрозненные, а слепленные в фигуру, напоминавшую огромного дракона. Дракон застыл над домом лесника, в паре километров от избышки. Он точно раздумывал, что делать дальше. Воцарилась жуткая тишина. Попрятались птицы, бабочки, муравьи и пчелы. Закрылись лютики, ноготки, бархатцы и гвоздики, точно наступила ночь, даже шиповник, который отходит ко сну лишь поздно вечером.

– Такушка, доставай пушку, – шепнула на ухо внуку Лоухи. – Только не суетись. Надо это облако уничтожить, иначе оно уничтожит нас. Похоже, дракон ждет команды.

Так-так нажал на потайную кнопку под крыльцом, пласт земли уехал вбок, явив вход в подземное помещение. Вниз вели рельсы и ступеньки между ними. Так-так спустился и вскоре выехал оттуда верхом на странном многоствольном агрегате, центральное жерло которого окружали еще шесть стволов. За пушкой тянулся электрокабель.

– Ну что, моя славная, – погладил Так-так пушку. – Займемся стрельбой по воробьям?

– Ты чересчур самокритичен, – сказала Лоухи. – Прошлым летом пушка прекрасно зарекомендовала себя. Помнишь ту «тучку», что весила двадцать миллионов тонн? Заряжена?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.